

Коктебильская сюита

серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

Коктебельская сюита

серия медали-премии им. Максимилиана Волошина

Геннадий Гончаров

ВОЙНА И ДЕТСКИЕ ДУШИ

Повести

Москва
Интернациональный Союз писателей
2020

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6
Г65

Составитель серии Елена Наливина

Гончаров, Геннадий

Г65 Война и детские души: повести / Г. Гончаров. — Москва: Интернациональный Союз писателей, 2020. — 100 с. (серия «Коктебельская сюита»).

ISBN 978-5-907306-09-7

События происходят в глубоком сибирском тылу во время Великой Отечественной войны. В рассказе «Начало войны» сообщение о ней потрясает душу восьмилетнего мальчика. В повести «Погубленный талант» командир Красной армии попадает в плен, а его жена и дети объявляются «семьей изменника Родины», лишаются социальной помощи. Мальчик из этой семьи Павел Мешков обладает замечательным голосом и поёт перед очередями у магазина, вымаливая кусочек хлеба. В преддверии зимы он через тайгу уходит в соседний посёлок, чтобы найти спасение в детском доме, но по дороге исчезает... Повесть впервые издавалась в Воронеже в 2014 году и с одобрением была встречена читателем, особенно в Забайкалье.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-907306-09-7

© Г. Гончаров, 2020
© Интернациональный Союз писателей, 2020

НАЧАЛО ВОЙНЫ

*Вся наша жизнь – труд и заботы
О возрождении страны...*

*Нас обоили награды, льготы,
Но честь и память нам нужны.*

Ольга Тихомирова, «Дети войны»

В 1941 году наша семья проживала в горном золотодобывающем поселке Вершина Дарасуна Шилкинского района Читинской области, где мой отец был парторгом ЦК ВКП(б) на комбинате «Дарасунзолото». Поселок располагался в живописной горной таежной местности. Жили мы в отдельном добротном доме № 4 на улице им. Сталина. Мне в июле того года должно было исполниться восемь лет. Кроме меня у родителей имелось еще двое детей: сын Валентин трех с половиной лет и дочь Галя полутора лет от роду. Мы с Валей посещали детский сад. Я старшую группу, а брат – младшую. Отцу было тридцать восемь лет, а матери – двадцать девять. Являлись они коренными сибиряками с Енисея.

С наступлением лета каждый выходной день отец на казенной бричке вывозил всю семью на живописную природу, где мы, набегавшись по цветущей поляне, отдыхали в тени дерева у костра и наслаждались душистым чаем из трав, а стреноженная серая в яблоках лошадь паслась неподалеку и время от времени с фырканием взмахивала гривой и хвостом, отгоняя докучливую мошкарку. Иногда она прекращала щипать траву и смотрела на нас своими умными карими глазами, словно хотела сказать: «Ну что? Отдохнули? А теперь пора и в обратный путь».

Отец, с раннего детства познавший нелегкий крестьянский труд, холил эту лошадь, разговаривал с нею как с разумным существом и ни разу не ударил ее кнутом, а по необходимости подбадривал ласковыми словами, вроде таких: «Ну, давай, милая, выручай!» И лошадь ускоряла бег, а он запевал какую-нибудь ямскую или народную песню, ибо по характеру был добрым, веселым и общительным человеком. К вечеру мы возвращались домой, где мать, накормив нас, укладывала спать, а отец в это время отводил лошадь на конный двор комбината.

В выходной день 15 июня на природу нас отец не повез. Вместо этого мы всей семьей сходили в фотографию на базарной площади, где вежливый пышноволосый кудрявый дядя, не иначе как родом из иудейского племени, попросил нас сидеть неподвижно и смотреть в коричневый ящик со стеклянным глазом, откуда, по его словам, должна была вылететь птичка. Совершив взмах рукой, дядя сказал: «Готово!» Но птичка так и не вылетела, чем Валя и Галя остались недовольны. Зато у каждого из нас появилась фотокарточка всей семьи в последнее мирное воскресенье перед страшной войной, перечеркнувшей наше счастливое детство.

22 июня на природу мы не поехали, а пошли с матерью на гуляние в парк около летнего клуба. Отца с нами не было. Примерно в 8 часов (по словам мамы), когда мы только собирались завтракать, зазвонил телефон. Я был рядом, еще в одних трусах, но схватил трубку и по привычке, балуясь, сказал: «Але, квартира Гончаровых вас слушает». И тут сквозь свист и шорох в телефоне прорвался строгий командирский голос, приказавший немедленно передать трубку отцу. Но он уже был рядом и, взяв трубку, изменился в лице, побледнел и только твердил: «Так, так». Затем со словами: «Будет исполнено, Геннадий Иванович! Не сомневайтесь!» – повесил трубку и крутанул ручкой отбой. Надо сказать, что телефон того времени имел ручку,

которую надо было крутить, чтобы вызвать телефонную станцию и начать разговор.

Постояв неподвижно несколько секунд, он снова покрутил ручку и потребовал от телефонистки срочно соединить его с директором комбината Жиряковым. Тот ответил сразу, и отец, поздоровавшись, сказал: «Отдых отменяется. Ожидается важное правительственное сообщение из Москвы... Да, наверное, уже началась или начнется с минуты на минуту. Такое в истории всегда происходило перед рассветом... Необходимо срочно собраться в парткоме. Да, да! Сообщение придет по нашей линии. Жду вас с главным инженером и с начальником техснаба. Поручите своему заму Левандовскому немедленно собрать в управлении руководителей всех уровней. Что?! Если понадобится, то пусть сидят и ждут весь день! И неважно, где они сейчас находятся: за столом, или еще в постели, или в сортире, – перешел на строгий тон отец и добавил: – И без паники! Пусть думают, что это обыкновенные учебные сборы. И еще один момент. Обком рекомендует перевести вашу радиостанцию на круглосуточный режим работы в секретном диапазоне и взять под охрану. Через час она должна выйти на связь с трестом «Союззолото». Начальнику милиции я все объясню сам, как большевик большевику».

После этих слов он позвонил в милицию и попросил дежурного немедленно найти начальника и объявить повышенную готовность, назвав номер какого-то там пароля.

Таким собранным, спокойным и решительным я видел его впервые. «Ну вот, – подумал я, – теперь и мой папа стал настоящим красным командиром». И сердце мое наполнилось гордостью, что у меня такой отец.

После таинственных для нас разговоров отец сразу же отвел маму в другую комнату и что-то стал ей говорить полушепотом. До меня донеслись слова мамы: «А может, обойдется? Ведь у нас же с ними пакт о ненападении!» Что

он ей ответил, я не расслышал. Потом папа вынул из комода пистолет браунинг, осмотрел его и положил в портфель; поцеловал всех нас поочередно, начиная с Гали, и ушел, так и не позавтракав. Но мама успела дать ему бутерброд из двух кусков хлеба со слоем масла между ними и кусок сахара. Я, предчувствуя какую-то беду, побежал босиком проводить его до ворот.

В это время у наших ворот остановилась повозка, в которой на заднем сиденье сидел начальник поселковой милиции в белой гимнастерке. На боку желтела кобура нагана со свисающим ремешком. Он соскочил на землю, оправил поясной ремень, козырнул папе и поздоровался с ним за руку. У обоих были строгие, сосредоточенные лица. Они быстро уселись в повозку, продолжая о чем-то разговаривать. На переднем сиденье, держа в руках вожжи, сидел милиционер, тоже с наганом на боку. Вот он взмахнул над головой вожжами, и лошадь понеслась рысью вдоль по улице имени товарища Сталина в ту сторону, где были столовая, партком, больница и серый особняк директора комбината Жирякова. Редкие прохожие останавливались, смотря им вслед, и покачивали головой, а затем, ускоряя шаг, шли дальше по своим делам.

Я, вернувшись домой, спросил у мамы – кто же такой этот человек с именем Гена, как у меня, который разговаривал с папой. Она ответила, что это был секретарь чинского обкома партии Воронов, а остальное мне пока не следует знать, не то быстро состарюсь. В ее словах чувствовалась тревога и смятение. Но все же после завтрака она повела нас в парк через весь поселок, да еще в гору, неся Галю на руках, а мы с Валею шли рядом, взявшись за руки. Яркое солнце светило на безоблачном небе, в котором каруселью кружились стрижи, чьи отдельные крики сливались в ритмичные общие звуки: вжиу, вжиу, вжиу-у. Прекрасное и незабываемое зрелище!

Будучи уже взрослым, я, вспоминая тот день, сопоставил время звонка из обкома. У нас было 8 часов утра, а в Москве – 2 часа ночи. До нападения Германии оставалось два часа. Следовательно, сообщение ЦК партии областным и республиканским органам на места о возможном нападении было отправлено между полночью и часом ночи. И кто-то же взял на себя ответственность сообщить об этом всему партийному руководству до самых низов? Выходит, что в глубоком тылу о войне узнали раньше, чем в некоторых военных округах, за исключением военно-морских сил. Но оставим эти доводы историкам и вернемся в тот воскресный июньский день, вошедший в историю печальной и трагической датой.

Смутно помню, как мы сидели на скамье на аллее. На летней эстраде духовой оркестр играл вальсы и марши, а в киосках торговали морсом и мороженым. Мы с Валею ели мороженое, а мимо нас прошла компания парней и девчат с гитарой, распевая романс Полонского:

*Мой костер в тумане светит,
Искры гаснут на лету...
Ночью нас никто не встретит,
Мы простимся на мосту.*

Но в какой-то момент все изменилось и веселье закончилось. Гуляющими, да и нами тоже, овладела тревога, и все стали расходиться, а некоторые вообще побежали. Оркестр перестал играть, и его словно сдуло с эстрады. И мы тоже покинули парк и ускоренным шагом пошли домой. Дорога шла под гору. Я старался доесть мороженое на ходу, а Валя хныкал, что не может идти быстро, и я за руку тянул его за собой. Из-за горы ползла огромная черная, с лохматыми краями туча. Клубясь и расширяясь, она накрыла полнеба и поглотила солнце. Сразу же дохнуло холодом

и подул ветер. Закачались с шумом деревья. Сверкнула молния, вырвав из полумрака искаженные лица людей, и раздался продолжительный грохот неслыханной силы. Казалось, что по металлическому небу катятся огромные каменные валуны, издавая треск и скрежет. Туча, продолжая метать огненные стрелы, накрыла все небо. Стали падать первые крупные капли дождя. Но мы успели добежать до базарной площади и укрылись под навесом торгового павильона. Сестренка Галя вскрикивала с каждым ударом грома и не переставала плакать, а мама успокаивала ее, прижав к груди. Мы с Валею прильнули к ней с двух сторон, обхватив руками ее теплые, согревающие нас бедра.

Дождь закончился так же быстро, как и начался. Туча, цепляясь краями за окрестные горы, уплыла дальше в сторону Нижнего Стана. Выглянуло солнце и обогрело нас своими лучами. Мы повеселели и, обходя лужи, быстро пошли домой.

Когда мы проходили мимо здания почты и телеграфа, я обратил внимание на то, что там на крыльце и рядом с ним стояла группа людей с выражением тоски и тревоги на лицах. Люди, в основном женщины, продолжали подходить и занимали очередь. Чувствовалось, что какая-то страшная весть вынудила их сорваться с места и прийти сюда, чтобы позвонить или послать телеграмму своим родственникам, несмотря на выходной день.

Какая-то женщина окликнула маму и, подойдя к нам, спросила:

– Мария! Ты знаешь, что началась война? Ты же как-никак жена партийного начальника!

– Да какая война? Что ты такое говоришь? Наверное, очередная провокация. А муж с утра ушел на работу и ничего не говорил.

– Да нет, не провокация. Я получила телеграмму-молнию от сестры из Киева, что их в четыре часа бомбили немцы.

